

**С.В. Шнайдер¹, Н.Н. Сайфулоев², С. Алишер кызы^{1, 3},
Н.А. Рудая¹, И.Е. Дедов³, Л.В. Зоткина¹,
В.А. Жуков⁴, А. Караев², М. Наврузбеков²,
В.В. Алексеичева³, А.И. Кривошапкин¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ
Душанбе, Таджикистан

³Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

⁴Государственный музей искусства народов Востока
Москва, Россия

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан)

Согласно результатам последних исследований, перманентное заселение высокогорных ландшафтов относится к периоду позднего голоцена: так, первые поселения в Андах на высоте ок. 4 000 м над ур. м. датируются ок. 12 тыс. л.н.; возраст первых поселений в Тибете – ок. 12,5 тыс. лет. Изучение каменного века высокогорий западной Центральной Азии проводилось в 1950–1970-х гг. По данным этих исследований, указанные территории были заселены человеком только в раннем голоцене (ок. 10 тыс. л.н.). Пересмотр старых коллекций и проведение серии абсолютного датирования позволили установить, что регион был заселен раньше (ок. 13 тыс. л.н.). В связи с этим силами российско-таджикской экспедиции было возобновлено полевое изучение многослойного памятника Истыкская пещера. В ходе работ была получена представительная археологическая коллекция, в т.ч. уникальные предметы из кости – иглы и украшения. Предварительный корреляционный анализ свидетельствует о сходстве обнаруженной каменной индустрии с индустриями памятников, располагающихся на сопредельных территориях (Ферганская, Маркансуйская и Алайская долины). Дальнейшие исследования позволят реконструировать направления миграций в высокогорные районы Центральной Азии и их хронологию, а также проследить взаимосвязь между изменениями ландшафтно-климатических условий и типами хозяйствования человека от самого раннего заселения вплоть до современности.

Ключевые слова: Памир, высокогорья, финальный плейстоцен, ранний голоцен, каменная индустрия.

**Svetlana V. Shnaider¹, Nuritdin N. Sayfulloev², Saltanat Alisher kyzy^{1, 3},
Natalia A. Rudaya¹, Igor E. Dedov³, Lidia V. Zotkina¹,
Valeriy A. Zhukov⁴, Asliddin Karaev², Masnav Navruzbekov²,
Valentina V. Alexeytseva³, Andrey I. Krivoshapkin¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography AS RT,
Dushanbe, Tajikistan

³Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

⁴The State Museum of Oriental Art,
Moscow, Russia

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

First Research Results at the Multilayered Site of Istikskaya Cave (Eastern Pamir, Tajikistan)

According to the results of recent studies, first peopling of the highlands started during the Final Pleistocene–Early Holocene. The earliest settlements in the Andes at the height of ca. 4000 m above sea level were dated to 12 kyr BP; the age of the first settlements in Tibet is about 12.5 kyr BP. Active archaeological research of Central Asian highlands was conducted in 1950s–1970s. According to the results of these studies, this region was peopled in the Early Holocene (ca. 10 kyr BP). The revision of collections from Soviet excavations and new absolute dates have made it possible to establish that the region was peopled at the earlier date (ca. 13 kyr BP). The joined Russian-Tajik Expedition resumed the field study of multilayered archaeological site of Istikskaya cave, which resulted in large archaeological collection, including unique artifacts of bone – needles and personal adornments. The preliminary correlation analysis of the lithic industry has revealed similarities with the evidence from the neighboring territories (Fergana Valley, Markansu Valley, and Alay Valley). Continued field study of the cave will make it possible to reconstruct ancient human migrations to the Central Asian highlands and their chronology, and establish relationship of changes in climate and landscape with ancient human economic systems from the earliest peopling of highlands almost until the present time.

Keywords: Pamir Mountains, highlands, Final Pleistocene, Early Holocene, lithic industry.

Освоение высокогорий является одной из наиболее обсуждаемых и актуальных тем в современной археологии. Так, на территории Тибета наиболее ранние свидетельства появления человека связываются с денисовцем, бесспорные свидетельства присутствия которого отмечаются ок. 160 тыс. л.н. на высоте 3 280 м над ур. м. [Chen et al., 2019]; ок. 40–30 тыс. л.н. датируется каменная индустрия Ньява Деву (высота 4 600 м над ур. м.), которая, вероятнее всего, ассоциируется также с денисовцем [Zhang X.L. et al., 2018]. Что касается расселения человека современного анатомического облика, то высказано предположение, что он впервые появился здесь ок. 20 тыс. л.н. [Brantingham et al., 2007], однако данное исследование неоднократно подвергалось критике и на настоящий момент признается не всеми специалистами [Meyer et al., 2017]. Наиболее аргументированное раннее свидетельство проживания человека на Тибете было зафиксировано на памятнике Чузанг (Chusang) и датируется ок. 12,6 тыс. л.н. [Там же]. Учитывая физико-географические условия западной части Центральной Азии, а также ее географическую близость Тибетскому нагорью, данное направление исследований в настоящий момент может заполнить территориальную и хронологическую лакуны, а также предоставить новую информацию о путях расселения человека в обсуждаемых регионах.

На территории Центральной Азии к высокогорным районам относится Памир (средние высоты – 3 000–4 500 м над ур. м., максимум – 7 495 м, Пик Коммунизма) и Гиссаро-Алай (высота 3 000–3 500 м над ур. м., максимум – 5 489 м, г. Чимтарга).

Активное археологическое изучение этого сурового региона проводилось в советское время В.А. Рановым, В.А. Жуковым и А.А. Никоновым. На Восточном Памире ими было открыто и изучено множество археологических памятников, большая

часть которых – это подъемные комплексы, по результатам технико-типологического анализа каменных артефактов отнесенные к верхнему палеолиту – неолиту [Ранов, Худжагелдиев, 2005]. Также в ходе данных работ были обнаружены и исследованы многослойные объекты Ошхона и Истикская пещера [Ранов, 1988; Ранов, Худжагелдиев, 2005]. Согласно построениям, предложенным ранее, здесь выделялось два различных комплекса. Один (названный В.А. Рановым эппалеолитическим) был представлен в материалах стоянки Ошхона и верхнем слое каменного века Истикской пещеры. Второй комплекс (мезолитический, по В.А. Ранову) был обнаружен в материалах нижнего культурного горизонта Истикской пещеры [Ранов, 1988]. В связи с малой представленностью стратифицированных памятников периода финального плейстоцена – раннего голоцена на территории Центральной Азии, а также учитывая, что здесь представлено несколько культурных традиций, повторное изучение Истикской пещеры приобретает особую значимость. В связи с этим в полевом сезоне 2018 г. было возобновлено изучение памятника силами российско-таджикского археологического отряда по изучению каменного века Восточного Памира.

Стоянка располагается на левом берегу р. Сулистык (абсолютная высота над ур. м. – 4 060 м), на 7–12 м выше современного уровня реки (рис. 1). Общая площадь, вскрытая раскопом в 1970-х гг., составляет 30 м². В полевом сезоне 2018 г. в капельной линии пещеры была проведена небольшая зачистка северо-восточной стенки раскопа В.А. Жукова. В 2019 г. в этой части пещеры был заложен раскоп площадью 2 м². В ходе проведения археологических работ на памятнике было выделено пять стратиграфических подразделений (рис. 2).

Слой 1. Серая супесь, пылеватая, структурно не выраженная, обломочный материал отсутствует.

2

Рис. 1. Расположение Истыкской пещеры (1); вид на памятник Истыкская пещера (2).

Истинная мощность слоя колеблется от 0,2 до 0,4 м. В нижней части слоя обнаружены следы большого понора, заполненного мышиным пометом.

Слой 2. Слой представляет собой коричневую, гумусированную, пылеватую, супесь. Выделено 3 прослоя.

Прослой 2.1 сложен из коричневой супеси, отмечены следы одного кострища, согласно предварительным результатам, основным сырьем для него послужил терескен. В прослое обнаружены каменные артефакты и фаунистические остатки. Отмечается большое количество обожженного обломочника.

Прослой 2.2 представляет собой прослойки тапака (навоза), согласно предварительному морфологическому анализу он принадлежит быку рода *Bos*. В слое отмечается меньшая концентрация находок, чем в прослое 2.1.

Прослой 2.3 сложен темно-коричневой супесью, отмечено четыре следа кострищ, каменные и костяные артефакты и фаунистические остатки.

Слой 3. Серая супесь, пылеватая, бесструктурная. На границе между слоями 2–3 отмечается наличие стерильной прослойки. В слое обнаружены каменные артефакты и фаунистический материал. Истинная мощность слоя колеблется от 0,3 до 1,5 м.

Слой 4. Представлен серым речным хорошо сортированным песком, без каких либо включений. В археологическом отношении стерилен и достигает мощности 1 м.

Ниже слоя 4 залегает **слой 5**, который представляет собой тонкие переслоения супеси и песка, возможно, фиксирует эпизоды подступления воды

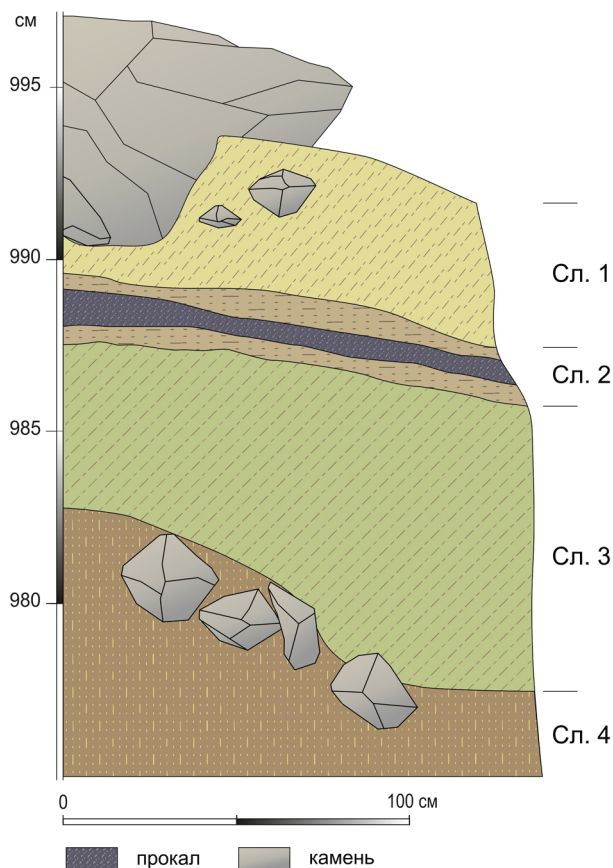

Рис. 2. Стратиграфия памятника.

к пещере. В археологическом отношении слой стерилен. В ходе проведения раскопок скальное дно не было достигнуто, видимая мощность слоя составляет 0,5 м.

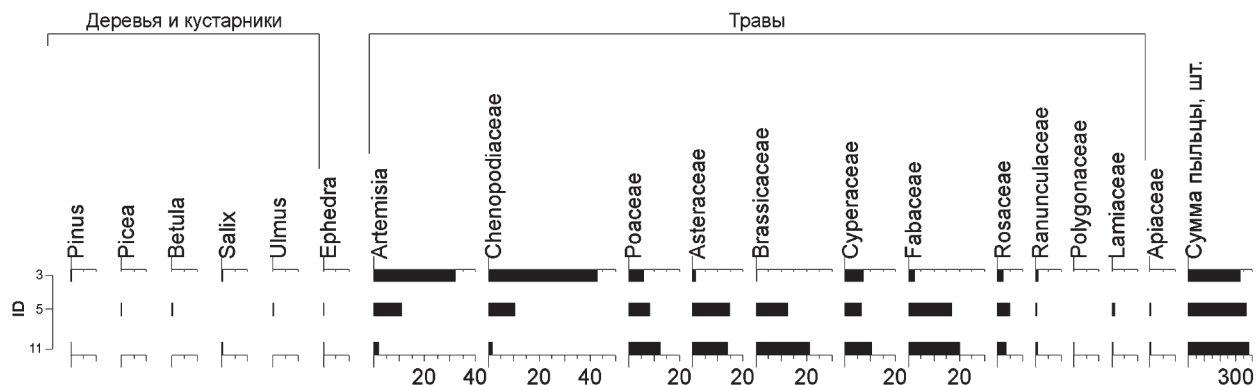

Рис. 3. Палинология памятника.

Палинологический анализ был проведен для образцов, отобранных из слоев 1 (ID 3) и верхней части слоя 3 (ID 5 и 11) (рис. 3). Образец из слоя 1 выявляет существование аридного климата во время накопления слоя и распространение пустынных степей или полупустынь в окрестностях Истыкской пещеры. На это указывают доминирование пыльцы семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*). Древесные таксоны представлены единичными пыльцевыми зернами. Совсем другие растительные комплексы зафиксированы в образцах из верхней части слоя 3. В обоих образцах доминирует пыльца более мезофитного разнотравья: бобовые (*Fabaceae*), крестоцветные (*Brassicaceae*), астровые (*Asteraceae*), злаковые (*Poaceae*) и розоцветные (*Rosaceae*). При этом в образце ID 5 процент ксерофитных полыней и маревых также достаточно высок, что отличает его от образца с ID 11 в сторону усиления аридности климата.

В слое 0 зафиксировано несколько прослоек очажной золы, к которым приурочена наибольшая концентрация находок. Их большая часть представлена костями и зубами животных (преимущественно *Ovis/Capra*) (табл. 1).

В слое 1 встречается большое количество прокалов, костей (большая часть которых обожженные), углей, встречены единичные фрагменты керамики,

Таблица 1. Состав археологической коллекции, полученной в ходе раскопок памятника Истыкская пещера в 2019 г.

Находки	Количество изделий (экз.)			
	Слой 0	Слой 1	Слой 2	Слой 3
Фрагменты костей	54	70	52	275
Зубы животных	17	31	11	5
Обожженные кости	17	179	33	65
Фрагменты керамики	2	3	2	
Дерево	10	8	10	13
Каменные артефакты	11	18	105	59

кусочки дерева, каменные артефакты и гальки со следами обработки. Особый интерес представляет обнаруженное здесь скопление обожженных костей, согласно результатам предварительного анализа – ребра *Bos* (вероятнее, яка). Помимо этого, в слое обнаружена бусина, изготовленная из синего стекла. Предположительно формирование данного культурного слоя относится к периоду бронзового века – Средневековья.

В слое 2 обнаружено 220 номерных находок (табл. 2), большая часть которых представлена каменными артефактами, костями (из них треть – обожженные), фрагментами зубов животных.

Первичное расщепление комплекса, обнаруженного в слое 2, представлено торцовыми, конусовидными и цилиндрическими нуклеусами, утилизация которых была направлена на получение микропластин (рис. 4, 2, 3, 5, 6). В орудийном наборе доминируют пластинки с вентральной ретушью, концевые скребки, отмечается наличие пластинок с дорсальной ретушью (рис. 4, 4), также в коллекции выделены геометрический микролит в виде трапеции и стрелка.

В слое 3 обнаружено 197 номерных артефактов, среди которых доминируют кости (единичные экземпляры обожжены) и каменные артефакты, единичными экземплярами представлены фрагменты зубов животных, угли и фрагменты дерева. Особый интерес представляет здесь обнаруженный дистальный фрагмент костяной иглы.

Каменная индустрия слоя 3 характеризуется мелкопластинчатым расщеплением со значительной ролью пластин, которые выступали в качестве заготовок для орудий, таких как пластины с притупленным краем, выемчатые орудия, острия (рис. 4, 1), концевые скребки.

Помимо этого, при просеве отвала со старых раскопок было обнаружено два экземпляра костяных игл и две бусины из кости. Судя по сохранности изделий и их морфологии, они, вероятнее всего, происходят из слоев 2–3.

Таблица 2. Состав каменной индустрии, полученной в ходе раскопок памятника Истыкская пещера в 2019 г.

Каменная индустрия	Слой 0		Слой 1		Слой 2		Слой 3		Всего	
	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%
Нуклеусы	—	0,0	—	0,0	3	5,5	2	4,4	5	4,5
Гальки	2	40	2	28,6	2	4	—	0,0	6	5,4
Отщепы	1	20	4	57	19	35	18	40	42	38
Пластины	—	0	—	0	—	0	4	9	4	4
Пластинки/микропластина	2	40	1	14	31	56	21	47	55	49
<i>Всего, без учетом отходов производства*</i>	5	45	7	88	55	52	45	76	112	61
Отходы производства (обломки, чешуйки, отщепы менее 20 мм)**	6	55	1	13	50	48	14	24	71	39
<i>Всего</i>	11	100	8	100	105	100	59	100	183	100

*Процент от суммы артефактов горизонта без учета отходов производства.

**Процент от общей суммы артефактов горизонта.

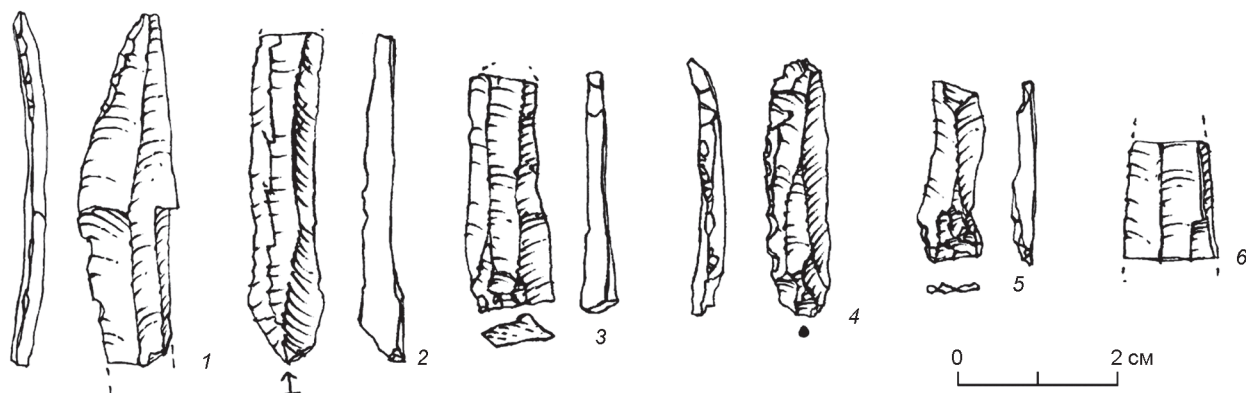

Рис. 4. Каменная индустрия слоев 2, 3 Истыкской пещеры (раскопки 2019 г.).

Что касается абсолютных датировок, то на новом этапе исследований получены две радиоуглеродные даты по костям из раскопок В.А. Жукова, которые были промаркированы «нижний горизонт», их точную принадлежность к культурному слою на настоящий момент установить невозможно. Даты укладываются в диапазон – 13,8–13,4 тыс. л.н. [Shnaider et al., 2018]. Совместные полевые наблюдения, проведенные В.А. Жуковым и С.В. Шнайдер, указывают на то, что слой 3 раскопок 2019 г. полностью соотносится с материалами «нижнего горизонта» раскопок 1970-х гг. Таким образом, мы можем говорить о том, что начиная с 13,5 тыс. л.н. человек заселял суровые высокогорья Восточного Памира.

Проведенный предварительный корреляционный анализ обнаруженной каменной индустрии с материалами синхронных комплексов сопредельных территорий свидетельствуют о наличии сходств с индустриями памятников Ошхона, Обишир-5 и Обишир-1 и Алайская стоянка. Здесь были обнаружены схожие типы объемных нуклеусов,

микропластинок с вентральной ретушью, концевых скребков и пластинок с притупленным краем.

На взгляд авторов раскопок, подобные аналогии в каменной индустрии свидетельствуют о культурных связях между территориями Ферганской, Маркансуйской, Алайской и Истыкской долин в финальноплейстоценовое – раннеголоценовое время. Дальнейшее детальное изучение Истыкской пещеры позволит реконструировать направления миграций в высокогорные районы Центральной Азии и их хронологию, а также проследить смену адаптационных стратегий человека начиная от раннего заселения высокогорий до настоящего времени и установить связь между изменениями ландшафтно-климатических условий и типами хозяйствования человека.

Благодарности

Авторы признательны ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку рис. 2 и 4. Изучение памятника было выполнено при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40081.

Список литературы

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.

Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У. Каменный век // История Горно-Бадахшанской автономной области. – 2005. – Т. 1. – С. 51–107.

Brantingham P.J., Xing G., Olsen J.W., Rhode D.E., Zhang H.Y., Madsen D.B. A short chronology for the peopling of the Tibetan Plateau // *Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China*. – 2007. – P. 129–150.

Chen F., Welker F., Shen C., Bailey S.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D., Hublin J.J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // *Nature*. – 2019. – N 569 (7756). – P. 409–412.

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene // *Science*. – 2017. – Vol. 355. – P. 64–67.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoschapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: the Tutkaulian complex // *Quaternary Intern.* – 2018 (in press). – <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>.

Zhang X.L., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago // *Science*. – 2018. – N 362 (6418). – P. 1049–1051.

Zhang D.D., Li S.H. Optical dating of Tibetan human hand- and footprints: An implication for the palaeoenvironment of the last glaciation of the Tibetan Plateau // *Geophys. Res. Letters*. – 2002. – N 29. – P. 1072.

peopling of the Tibetan Plateau. In *Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China*, 2007, pp. 129–150.

Chen F., Welker F., Shen C., Bailey S.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D., Hublin J.J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau. *Nature*, 2019, No. 569 (7756), pp. 409–412.

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene. *Science*, 2017, vol. 355, pp. 64–67.

Ranov V.A. Kamennyi vek Yuzhnogo Tadjikistana i Pamira: doctor sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1988, 52 p. (in Russ.).

Ranov V.A., Khudzhageldiev T.U. Kamennyi vek. In *Istoriya Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti*, 2005, vol. 1, pp. 51–107 (in Russ.).

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoschapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: the Tutkaulian complex. *Quaternary Intern.*, 2018, in press. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>.

Zhang X.L., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago. *Science*, 2018, No. 362 (6418), pp. 1049–1051.

Zhang D.D., Li S.H. Optical dating of Tibetan human hand- and footprints: An implication for the palaeoenvironment of the last glaciation of the Tibetan Plateau. *Geophys. Res. Letters*, 2002, No. 29, p. 1072.

Шнайдер С.В. <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

Алишер кызы С. <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>

Рудая Н.А. <https://orcid.org/0000-0003-1536-6470>

Зоткина Л.В. <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

Кривошапкин А.И. <https://orcid.org/0000-0002-5327-3438>

References

Brantingham P.J., Xing G., Olsen J.W., Rhode D.E., Zhang H.Y., Madsen D.B. A short chronology for the